

## О Ю. ЛОТМАНЕ И НЕМНОГО О СТРУКТУРАЛИЗМЕ

Доценко С. Н.

Таллиннский университет (Таллинн, Эстония)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8621-4525>

*Аннотация.* В статье делается попытка показать образ Ю. Лотмана как человека и ученого глазами вначале студента, а потом и молодого исследователя на основе личных воспоминаний. Рассматривается роль Ю. Лотмана в создании тартуско-московской семиотической школы и значение трудов Ю. Лотмана в области структурализма, а также возможные причины научной эволюции Ю. Лотмана от изучения истории литературы и исследования структуры художественного текста – к изучению культуры как динамического процесса, как сложного взаимодействия культурных текстов и культурных кодов.

*Ключевые слова:* семиотические школы; семиотика; литературоведы; научная эволюция; структурализм; анализ текста; художественный дискурс; художественные тексты.

*Для цитирования:* Доценко, С. Н. О Ю. Лотмане и немного о структурализме / С. Н. Доценко. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 73–83.

## ABOUT Yu. LOTMAN AND A LITTLE ABOUT STRUCTURALISM

Sergei N. Dotsenko

Tallinn University (Tallinn, Estonia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8621-4525>

*Abstract.* The article attempts to portray Yu. Lotman as a person and scholar through the eyes of a student, and then a young researcher, based on personal memories. The article considers the role of Lotman in the creation of the Tartu-Moscow semiotic school and the significance of the works of Lotman in the field of structuralism, as well as possible reasons for the scientific evolution of Lotman from the study of the history of literature and the structure of the literary text to the investigation of culture as a dynamic process and as a manifestation of the complex interaction between cultural texts and cultural codes.

*Keywords:* semiotic schools; semiotics; literary studies specialists; scientific evolution; structuralism; text analysis; fiction discourse; fiction texts.

*For citation:* Dotsenko, S. N. (2022). About Yu. Lotman and a Little about Structuralism. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 1, pp. 73–83.

С Ю. М. Лотманом я познакомился в 1976 г., когда поступил на отделение русской филологии филфака Тартуского государственного университета. Хотя правильной было бы сказать так: я увидел Ю. Лотмана, поскольку я был студентом, одним из многих, и мое общение с Ю. Лотманом было скорей эпизодическим, гораздо чаще мне приходилось просто видеть его в самых разных ситуациях: на лекциях, семинарах, экзаменах, научных конференциях, иногда – у него дома, когда я там оказывался по приглашению моего научного руководителя З. Г. Минц, жены Ю. Лотмана, чтобы обсудить мою курсовую или дипломную работу. Однажды даже

сдавал экзамен у него дома, в его кабинете (это был экзамен по спецкурсу, посвященному Н. М. Карамзину). Конечно, надо честно признать, что и собеседование на экзаменах, и обмен мнениями во время публичной защиты курсовой работы (Ю. Лотман был оппонентом моей курсовой работы в 1980 г., на IV курсе) все-таки трудно назвать личным общением в полном смысле этого слова.

Но во всех этих ситуациях и даже небольших житейских эпизодах проявлялись, на мой взгляд, главные черты Ю. Лотмана как личности: *демократичность* и *интеллигентность*. Именно эти черты мне видятся в нем главными, определяющими все осталь-

ное. Демократизм и интеллигентность Ю. Лотмана проявлялись прежде всего в том, что он одинаково был уважителен и деликатен и в общении с коллегами, и в общении с обыкновенными студентами. Чего стоит столь всегдашнее обращение Ю. Лотмана к студентам самых разных курсов: «Коллега!» Впрочем, эти качества в той или иной мере были присущи и всем остальным преподавателям кафедры русской литературы: З. Г. Минц, П. С. Рейфману, В. И. Беззубову, Л. И. Вольперт, С. Г. Исакову, Е. В. Душечкиной, И. А. Чернову. Смею полагать, что этот дух *интеллигентной демократичности* в значительной мере возник и поддерживался на кафедре именно благодаря Ю. Лотману.

Надо также заметить, что дух демократизма вообще был присущ Тартускому университету, несмотря даже на издержки советской реальности с ее идеологическими запретами и прочими советскими общественными атрибутами (парткомом, месткомом, комсомольскими собраниями, цензурой и т. п.)<sup>1</sup>. Видимо, этот дух демократизма сохранялся еще и потому, что в Тартуском университете не до конца была вытравлена память (пусть и в форме некоего атавизма) о прежних временах профессорского и студенческого свободомыслия и своеволия. Так, например, в Тартуском университете никогда не было системы пропусков – вход в университет был совершенно свободный. Не было, например, и какого-то специального (закрытого для студентов и посторонних) буфета или кафе для преподавателей: и студенты, и профессора посещали одно университетское кафе

<sup>1</sup> Партийно-идеологический надзор, конечно, был, но, как ни странно, даже в эпоху брежневского застоя многое позволялось. В 1981 г., вернувшись после 3-месячных военных сборов, я опубликовал в студенческой газете «ТГУ» (официальном органе «парткома, ректората, комитета ЛКСМЭ и профкома ТГУ») довольно иронический очерк «Лагерные будни» – под шуточным псевдонимом «В. Гимнастеркин» (см.: Гимнастеркин В. Лагерные будни // Тартуский государственный университет. 1981. 16 окт. № 9 (102). С. 2), который ничтоже сумняшеся пропустили в печать и ответственный редактор газеты, и Главлит. Хотя бдительный блюститель советской идеологии наверняка обнаружил бы в этом очерке откровенную издевку над ВС СССР, а может быть, и сознательную идеологическую диверсию. Но – обошлось как-то без последствий.

в здании, соседствующим со зданием филфака, равно как общим для всех было непритязательное кафе в Главном здании университета с совершенно несоветским названием «Софокл». Так что в студенческом кафе за соседними столиками могли оказаться студенты и профессора, включая самого ректора.

А талант и обаяние Ю. Лотмана заключались в следующем: о чем бы или о ком бы он ни рассказывал во время лекции, он по-настоящему увлекался тем, о чем он рассказывал: историческими лицами, событиями, эпохой, литературными произведениями. И тем самым вольно или невольно он увлекал и всю аудиторию. Иными словами, в нем не было равнодушия, отстраненности от эпохи и исторических персонажей. Иногда казалось, что Ю. Лотман был свидетелем или даже участником тех исторических событий, о которых он столь увлеченно рассказывал. Проще говоря, у Ю. Лотмана не было скучных лекций. Да, в нем был артистизм лектора-рассказчика, но и в этом артистизме не было нарочитой наигранности, искусственности или манерности.

Другое качество Ю. Лотмана как лектора – на моей памяти он ни разу не пользовался конспектами лекций, то есть все факты, имена, даты и цитаты из литературных текстов, писем или мемуаров он приводил по памяти. Иногда, впрочем, он приносил на лекцию томик произведений какого-нибудь писателя и тогда цитировал по книге (но это бывало крайне редко). Возможно, эта его увлеченность вкупе с импровизацией была причиной того, что его лекции не были строго структурированными. Однажды я даже обратил внимание на такой казус: в середине лекции Ю. Лотман, объясняя что-то, употребил оборот «во-первых...» Но лекция благополучно закончилась, а оборот «во-вторых» так и не прозвучал...

Одна из последних моих встреч с Ю. Лотманом произошла в 1992 г. в Тарту, где 24–25 января состоялся небольшой научный семинар «Классицизм как тенденция культурного развития». На этом семинаре я прочитал доклад «Русская Ленора: литературные и фольклорные источники А. Ремизова», который был посвящен сюжету о «мертвом женихе» в сказке А. Ремизова

«Ночь темная». После доклада ко мне подошел Ю. М. Лотман и сказал: «Сережа, у вас был очень хороший доклад». Хотя сейчас я уже не уверен, что обращение было именно «Сережа» (обычно так обращалась ко мне Зара Григорьевна Минц, научный руководитель трех моих курсовых и дипломной работы, а потом, с 1984 г., научный руководитель моей несостоявшейся кандидатской диссертации). Эта похвала из уст Ю. Лотмана была для меня что-то вроде пожалования научного ордена.

Ю. Лотман начисто был лишен снобизма, но при этом я всегда чувствовал и понимал, что он – великий человек, даже когда он немножко играл в «маленького человека». Когда Ю. Лотман входил в аудиторию, в которой уже шла, например, конференция или лекция приглашенного преподавателя, то он тихонько, пригнувшись, пробирался к свободному месту, чтобы не прерывать докладчика и не привлекать внимание собравшихся к своей персоне. Зрелище это было забавное и одновременно трогательное. Дистанцию я чувствовал всегда, но это чувство провоцировал отнюдь не Ю. Лотман, а мое отношение к нему.

В 1992 г. отмечался 70-летний юбилей Ю. Лотмана, актовый зал Тартуского университета был заполнен, все это торжество снимали телевизионщики РТВ. Я должен был вручить Ю. Лотману поздравительный адрес от имени кафедры литературы Таллиннского педагогического университета, где я тогда работал старшим преподавателем. Вроде не студент уже, а где-то даже коллега... Но до сих пор помню: волновался и смущался я ужасно. Пробормотал я поздравительный текст, а в ответ Ю. Лотман также смущенно-шутливо сказал: «Я и сам не верю, что мне 70 лет»<sup>1</sup>.

Впрочем, для студентов русской филологии, учившихся в Тарту, фигура Ю. Лотмана отнюдь не была столь мифологизированной, как, видимо, для тех, кто в Тарту не бывал, а только слышал рассказы о Ю. Лотмане. Студенты могли встретить Ю. Лотмана не только в университете, на кафедре, но и в библиотеке или просто на

улице. Поэтому не было ощущения, что Ю. Лотман – какой-то небожитель. Возможно, это обстоятельство несколько сокращало дистанцию между ним и студентами, особенно когда приходилось видеть Ю. Лотмана в неофициальной обстановке. Вспоминается один анекдот, героем которого стал Ю. Лотман.

В 1979 г. наш IV курс, как это было установлено традицией, организовывал посвящение в студенты первокурсников. Посвящение проходило в старом студенческом кафе – рядом со зданием, где размещались кафедры филфака. На входе в кафе мы решили разместить стол, покрытый длинной темной скатертью, и первокурсники, чтобы попасть в кафе, должны были пролезать под этим столом. Это было как бы частью обряда посвящения. В последний момент моя однокурсница Лена Яборова предложила новую идею: преподаватели отделения русской филологии облагались дополнительным сбором в размере... 3 руб. Когда появился Ю. Лотман и узнал, что от него требуется сдать еще и «трешку» на это празднество, он со смехом вытащил из кармана 3-рублевую купюру и сказал: «Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец!» У Ю. Лотмана было прекрасное чувство юмора, и во многих ситуациях он любил и умел находить что-забавное.

Проф. Л.Н. Столович однажды написал:

Когда вдруг встретишь Лотмана, поймешь

Того, кто видел в Кёнигсберге Канта.

Так и для нас, студентов 1970-х, Ю. Лотман был живой легендой, но прежде всего – именно *живой*, другими словами, он был человеком, а не бронзовым памятником, сошедшим с постамента.

Вспоминается один случай, который произошел в конце моего IV курса, в июне 1980 г., на экзамене по предмету «Теория литературы». Наша группа собралась сдавать экзамен в назначенный день и в назначенное время (как помню – в 12.00) на кафедре литературы, рядом с бюстом М. Лермонтова. Прошло 15 мин, затем еще 15 мин – а Ю. Лотмана все нет (надо напомнить, что в Тартуском университете существовало старое неписаное академическое правило – правило «академической четверти»: преподаватель имел право опоздать на 15 мин, и

<sup>1</sup> Эти кадры попали в документальный фильм о Ю. Лотмане, который снимало РТВ.

студенты терпеливо ждали его появления в аудитории). Тогда после недолгого совещания мы решили отправить к Ю. Лотману домой делегацию – сообщить, что мы, дескать, пришли сдавать экзамен. Выяснилось, что Ю. Лотман то ли проспал, то ли вообще забыл, что ему надо в этот день принимать экзамен. Тем не менее через некоторое время Ю. Лотман появился на кафедре и даже широким жестом предложил студентам самим выбрать себе экзаменационный вопрос, а не играть в лотерею с экзаменационными билетами. Мне же Ю. Лотман предложил вопрос под названием «Сонет». Я бодро рассказал все, что знал о сонете, и, как мне казалось, вполне удовлетворительно. В качестве дополнительного вопроса Ю. Лотман процитировал какой-то сонет и спросил: «Кто автор этого сонета?» Я, откровенно говоря, сел в лужу – не смог ответить что-то вразумительное. А на самом деле Ю. Лотман процитировал сонет Ф. Петрарки в переводе... поэта-символиста Вяч. Иванова. Поскольку он помнил, что я посвятил творчеству этого поэта две курсовые работы, то, видимо, полагал, что я легко отвечу на этот вопрос. Увы, переводы Петрарки, сделанные Вяч. Ивановым, я не читал (тогда меня интересовали иные темы и проблемы его творчества), и отсюда – такой конфуз... Однако этот мой конфуз на оценку не повлиял, и я получил не совсем заслуженную «пятерку».

Несомненно, что Ю. Лотман воплощал образ настоящего ученого-филолога, а научные статьи и книги Ю. Лотмана были и остаются актуальными для меня как профессионального филолога. Будучи еще студентом, я читал, разумеется, многое, хотя, конечно, воспринимал статьи и книги Ю. Лотмана как несмысленный неопит: было интересно и познавательно, но об их научной значимости я тогда не особенно задумывался, да и вряд ли понимал в полной мере их научную значимость. По прошествии лет, когда я уже сам оказался в статусе профессионального ученого-филолога, автором более сотни научных публикаций самого разного научного диапазона, редактором 15 научных сборников, участником и организатором многих научных конференций и симпозиумов, многое я стал понимать гораздо лучше. Точнее сказать, лучше стал понимать научную ценность работ

Ю. Лотмана. Если раньше мне были более интересны статьи и книги скорей структуралистские («Анализ поэтического текста», «Структура художественного текста» и т. п.), то теперь мне представляются более важными его статьи об А. Пушкине, М. Лермонтове, Н. Гоголе, М. Булгакове, а также – статьи собственно культурологические, такие, например, как «Художественная природа русских народных картинок» или «Куклы в системе культуры» [Лотман 1976; Лотман 1978]. Или, например, в свое время сильное впечатление произвела небольшая статья «О редукции и развертывании знаковых систем: (К проблеме “фрейдизм и семиотическая культурология”» [Лотман 1974]. Но это не потому, что теоретические и собственно структуралистские работы Ю. Лотмана утратили свою ценность, а скорей потому, что сменился круг моих научных предпочтений: разбор конкретных текстов и культурных феноменов мне интереснее, чем объяснение того, как надо разбирать эти тексты.

Что же касается актуальности понятий, терминов, приемов работы с текстом, которые использовал Ю. Лотман, то необходимо помнить, что многие из них вовсе не были придуманы Ю. Лотманом, а были выработаны прежней научной традицией: в трудах В. Я. Проппа, Б. М. Эйхенбаума, Б. В. Томашевского, Р. О. Якобсона, Г. Гукковского, П. Г. Богатырева, М. К. Азадовского, многие из которых были учителями самого Ю. Лотмана. Заслуга Ю. Лотмана в том, что он сумел сохранить лучшее и ценное из того, чему научили его учителя или предшественники, а уже затем сам разработал ряд новых научных терминов, идей, концептов. Многие из этих идей и терминов Ю. Лотмана уже давно вошли в научную теорию и практику, а некоторые еще ждут своего осмысления и развития.

Кроме того, приобщение к профессиональной науке – это не только обучение какому-то методу, не только усвоение терминов и понятий. На мой взгляд, исключительно важно то, что некоторые принципы научной работы, в том числе правила научного этикета, невозможно выучить по словарям и учебникам (да и учебников таких практически нет). Эти принципы и правила (часто – неписанные) передаются и усваиваются в процессе живого общения учителя и

ученика, то есть на живых примерах. Например, правило, согласно которому цитировать произведения писателя нужно по самым авторитетным, т. е. научно подготовленным, изданиям. Или, например, избегать цитировать работы исследователей по вторичному источнику, а обязательно обращаться к первоисточнику. Это – азы профессии исследователя-филолога. Но есть и другие принципы, о которых многие никогда не слышали и даже о них не задумываются.

На одной из лекций Ю. Лотман как-то заметил: «Главное для ученого – не столько дать ответ на вопрос, сколько правильно поставить вопрос». Мне этот тезис Ю. Лотмана запомнился, и я ему стараюсь всегда следовать. А что стоит за этим тезисом? Простая мысль: чтобы получить научный результат, нужно правильно понять и сформулировать (хотя бы для себя самого), *что именно ты должен исследовать*. Иначе мы получаем изрядное количество статей, в которых по большому счету нет никаких научных находок и открытий, а есть рассуждения по поводу того или иного автора (или того или иного произведения), пресловутые «взгляд и нечто».

Именно этому я учился у Ю. Лотмана (а также у других замечательных филологов – З. Г. Минц, М. Л. Гаспарова, А. М. Панченко и др.): найти в изучаемом материале именно *то, что может и что должно стать предметом научного исследования*. Т. е. в конечном счете – умению правильно поставить вопрос и в итоге сделать хоть небольшую научную находку. Или, если удастся, – разрешить научную загадку, т. е. получить правильный ответ на вопрос, на который другие исследователи не могли найти ответа. А еще, если возможно, – своим исследованием открыть новые перспективы, обозначить новые направления научного исследования. Последнее, конечно же, удается только незаурядным ученым, одним из которых, несомненно, был сам Ю. Лотман. Перефразируя понятия из одной статьи Ю. Лотмана [Лотман (б) 1967: 100-112], можно сказать так: есть ученые-«обновители», а есть ученые-«зачинатели». «Обновители» – это те, кто продолжает разрабатывать уже известные методы и проблемы, а «зачинатели» – это те, кто открывает новые области научного знания и новые методы научного

исследования. Ю. Лотман, бесспорно, был ученым-«зачинателем».

Вообще расхожее понятие «филолог» (и производное от него понятие «филологичность») стало означать для меня нечто большее, чем просто название профессии или рода занятий, после одного довольно поучительного случая. Наверное, его можно назвать так: «Урок филологии». Произошел он, когда я еще был студентом то ли на 2-м, то ли на 3-м курсе. Поскольку между лекциями иногда возникали довольно большие перерывы (первая лекция могла начинаться в 8.15, а последняя – даже в 18.15), то во время этих перерывов я обычно проводил время либо в студенческом кафе (если перерыв был небольшой), либо в читальном зале «семинарки» (так мы называли библиотеку историко-филологического факультета, которая находилась на 3-м этаже Главного здания университета). И вот сижу я в читальном зале «семинарки» (как сейчас помню: в 1-м зале, в дальнем углу рядом с окном), читаю какую-то книгу, и вдруг входит Ю. Лотман и направляется мимо стойки выдачи книг прямо ко мне, намереваясь что-то спросить. Когда Ю. Лотман подошел, я встал и второпях (так как закладки под рукой у меня не было) перевернул книгу с открытыми страницами и положил ее на стол обложкой вверх. Ю. Лотман это увидел и очень вежливо заметил: «Коллега, это нефилологично». Чем, разумеется, еще более меня смутил. Но зато я это запомнил на всю оставшуюся жизнь и старался никогда так более не делать (мораль: филолог должен обращаться с книгой бережно и уважительно). Казалось бы, мелкий казус, но порой из таких мелочей и складывается то, что можно назвать «филологическая культура».

Для меня Ю. Лотман представляется типом ученого, для которого процесс научного познания не заканчивается на том, чего он достиг сам и что для него уже стало привычным. Этим объясняется, наверное, постоянный интерес Ю. Лотмана к идеям, проблемам, терминам, которые разрабатывали другие ученые, в том числе из смежных научных дисциплин: историки, лингвисты, этнографы, фольклористы, искусствоведы, психологи. Поэтому исключительно интересны и плодотворны идеи

Ю. Лотмана, когда он выходит за рамки традиционной филологии: изучает типологические связи между литературой и театром, между литературой и живописью, когда он изучает быт пушкинской эпохи или кинематограф XX века. И, самое для меня главное, он не ограничивается дискрипцией тех или иных феноменов быта или искусства, а именно объясняет *устройство* этих феноменов, их *структуру* и *функцию*. В этих своих исследованиях Ю. Лотман выходит за привычные рамки литературоведения и становится в известной степени историком, искусствоведом, этнографом, а еще точнее – он становится *культурологом* в точном смысле этого слова.

В последние десятилетия стало модным подвергать сомнению научные достижения структуралистов 1960–1970-х годов, точнее говоря – рассматривать структурализм как некий устаревший метод, а вместо этого метода (якобы устаревшего) объявить «пост-структурализм» в качестве нового и более прогрессивного метода анализа текста.

Когда Ю. Лотман и другие структуралисты в середине-конце 1960-х годов начали разрабатывать и применять метод структурного анализа текста, это было, во-первых, научно, во-вторых – продуктивно. Потом этому методу научились и другие филологи-литературоведы, и это стало повсеместным явлением (просто результат был у всех разный – в зависимости от умения и таланта). При этом сами структуралисты, и прежде всего Ю. Лотман, прекрасно осознавали, что этот метод продуктивен в тех случаях, когда требуется анализировать то, что имеет достаточно целостную (уже сложившуюся) структуру, например – тот или иной художественный текст. Потом были попытки выявить и изучить структуру более динамичных и менее структурированных, еще не сложившихся феноменов: структуру жанра, структуру аудитории, структуру литературной системы и, наконец структуру культуры в целом. Однако скоро выяснилось, что эти феномены (объекты) включают как элементы структуры, так и элементы внеструктурные, т. е. феномены, которые не имеют завершенной структуры *par excellence*. Ведь любая структура рождается из хаоса и соседствует с областью, которая либо пребывает в состоянии до-структурности, ли-

бо стремится разрушить структурность, чтобы потом, может быть, стать основой и материалом новой структуры. Это и есть диалектическое противоречие, извечная борьба противоположностей: порядка и хаоса, структурности и аморфности, системности и несистемности.

Именно об этом пишет Ю. Лотман в «Тезисах к семиотике русской культуры»:

«Это то, что перестает быть, в столкновении с тем, что начинает быть. В этой ситуации хаос – динамическое начало – есть начало творческое, начало, которое исключительно трудно поддается анализу, поскольку основа его заключается в переходном, неоформленном, в том, что может быть определено как расстояние между *уже* нет и *еще* нет. Такой объект легче поддается эмпирическому, чем теоретическому исследованию, а между тем он исключительно важен именно для последнего. Поэтому методологически интерес изучения русской культуры отчасти связан с трудностью воссоздавать то, что *уже не* и *еще не* являются моделью. Интерес именно к такому подходу не случаен для русского ученого нашей эпохи. Наше время – это время “промежутка”. Действительность как бы ставит своей целью посмеиваться над исследователем-структуралистом, ломая его хитро придуманные модели. Но как для ребенка ломание игрушек – исходный пункт перехода из мира кукол и машинок в мир людей и конфликтов, так безжалостность, с которой современность ломает любимые нами идеи – конструктивный источник создания новых идей. *Le roi est mort, vive le roi!*» [Лотман 2002: 227-228].

Так что ограничение у структурного метода только одно: невозможен структурный анализ того феномена, который или *еще*, или *уже* не имеет структуры. Во всем остальном понятия, термины, приемы работы с текстом, разработанные структуралистами, вполне актуальны и эффективны. Это – научный инструмент, который доказал свою пригодность. А то, что у каждого научного инструмента есть пределы применения, то это – научная банальность [см., например: Лотман 1969].

В процитированном фрагменте из статьи Ю. Лотмана, в котором он пишет о том, что «Наше время – это время “промежутка”», эти слова нужно понимать более

критически. Не будем забывать, что написано это было в 1992 г., т. е. во время распада СССР. Но как свидетель тех событий сразу замечу: в действительности этот распад начался задолго до пресловутого 1991 г., а продолжался этот распад еще несколько лет, если не больше. Но для многих современников это событие произошло как бы вдруг, внезапно, буквально за три дня. Ощущение масштабного и всеобъемлющего исторического сдвига, слома привычной (и казавшейся многим поколениям советских людей незыблемой) государственной, социально-политической и культурной системы было необычайно сильным. Проще говоря, современникам казалось, что стремительно меняется буквально все и вся. Отсюда – закономерное и психологически объяснимое представление о совершающемся на твоих глазах как о некотором очередном культурном взрыве. Примечательно, что прежде Ю. Лотман предпочитал изучать прошлое, т. е. те этапы истории культуры, которые уже состоялись, завершились. А теперь он делает попытку включить в сферу изучаемого и тот этап истории, который происходит у него на глазах, который только начинается (или продолжается?), а чем и как он закончится – никто не знает, в том числе не знает этого исследователь-культуролог Ю. Лотман [см., например: Лотман 1992: 7-23, а также: Лотман 2002: 33-46]. В этом и заключается специфика времени, которое Ю. Лотман назвал словом «промежуток». При этом он честно предупреждает, что изучение этого исторического «промежутка» – дело крайне сложное, а по большому счету – почти невозможное, и объясняет, почему дело обстоит именно так. На самом деле он скорей провоцирует вопрос, чем дает готовый ответ.

Мы не знаем о том, как Ю. Лотман смотрел бы на эту эпоху «промежутка» с исторической дистанции в 30 лет, т. е. уже из нашего 2022 г. Возможно, Ю. Лотман несколько иначе интерпретировал бы это время, и, несомненно, с огромным интересом он наблюдал бы, как по прошествии 30 лет после «культурного взрыва» 1991 г. в обществе возрождаются или продолжают существовать модели, стереотипы и символы той советской эпохи, которым, как казалось многим современникам, суждено

было исчезнуть навсегда после этого «культурного взрыва». Но исследователь, погруженный в изучаемую эпоху, оказывается в трудном положении: он не может взглянуть на изучаемый объект или процесс со стороны, с некоторой дистанции. Точнее говоря, теоретически это возможно, но практически – крайне сложно. Поэтому тезис Ю. Лотмана («Наше время – это время “промежутка”») имеет статус не столько строгого научного вывода, сколько статус гипотезы, своего рода прогноза.

Что же касается модных в последние десятилетия так называемых «постструктуралистских» (и прочих «деструктивистских») подходов и методик, то у них есть один главный недостаток: они не являются научными. «Постструктурализм» можно назвать философией, эссеистикой, литературной критикой и т. п. Но всерьез обсуждать все эти «методики» и «подходы» нет никакого смысла, ибо к науке они не имеют отношения. Очень точно о постструктурализме высказался М. Л. Гаспаров:

«Постструктурализм и деструктивизм – нарциссическая филология. Да, они справедливо напоминают, что филология нам дает не описание произведения, а описание взаимодействия произведения с исследователем. <...> А что делает филолог донаучной или посленаучной эпохи? Он сосредоточивается именно на взаимодействии между собой и произведением – на том взаимоотношении, которое честно формулируется словами “нравится – не нравится”, а прикровенно – словами “хорошо – плохо”. То есть на игре собственных эстетических переживаний. <...> Когда мы говорим “хорошо – плохо”, этим мы проясняем себе (и другим) структуру нашего вкуса. Это очень важный предмет, и самопознание очень благородное занятие. Но не нужно выдавать его за познание предмета, с которым мы имеем дело» [Гаспаров 2001: 111].

То есть все усилия «постструктуралистов» и «деструктивистов» сводятся не к познанию другого объекта (именно этим призвана заниматься наука, и филологическая наука в том числе), а к познанию взаимоотношений между научным объектом – и самим познающим субъектом. В этом причина антинаучного «нарциссиз-

ма» постструктуралистов, который на деле оказывается не более чем оценочным субъективизмом, чем-то вроде литературно-философской критики. Еще проще о постструктурализме сказал в беседе со мной М. В. Безродный: «Постструктурализм лишь прикидывается наукой» [Более длинно и более академично см. об этом в статье: Автономова 2010: 299–301].

Почему Ю. Лотман от анализа структуры конкретных текстов перешел к изучению культуры, понятой не столько как статический объект, сколько как динамический процесс? Полагаю, отчасти именно потому, что это – более сложный для понимания и моделирования предмет исследования. А следовательно, и более интересный для него как ученого.

Мне представляется некоторым преувеличением тезис, что якобы увлечение структурализмом и семиотикой было всеобщим. Все-таки тогда, в 1970–1980-е годы, увлечение структурализмом и семиотикой было уделом немногих, большинство либо вообще не понимало, что это такое, либо побаивалось партийного начальства. Дело в том, что в советских общественных науках полагалось культивировать «идейность» и «партийность», а не какие-то западные (априори «буржуазные») теории и концепции. Правда, еще в 1967 г. Ю. Лотман попытался защитить структурализм как научный метод [Лотман 1967а: 90–100], в основе которого, как он утверждал, лежат и историзм, и диалектика [см. в этой связи очень верную статью М. Л. Гаспарова о «марксизме» в работах Ю. Лотмана: Гаспаров 1997], а также он напомнил, что структурализм не есть сугубо «западный» метод, что он опирается также на отечественную научную традицию в лице В. Проппа, П. Богатырева, А. Скафтымова, Ю. Тынянова, В. Шкловского, Б. Томашевского, Б. Эйхенбаума, Г. Гуковского и др. Конечно, набор этих имен для партийного начальства и официозных ученых мог выглядеть отчасти подозрительным (часть из этих филологов подверглась гонениям<sup>1</sup> и даже репрессиям в 1940-е годы), но

<sup>1</sup> Вспоминается устный мемуар проф. Е. Маймина, однокурсника Ю. Лотмана, о том, как он сдавал В. Я. Проппу экзамен по русскому фольклору в Ленинградском ун-те в конце 1940-х гг. К началу экзаменационной сессии В. Я. Пропп уже попал в пропра-

все-таки они были официально реабилитированы и признаны советскими научными инстанциями. Однако в целом статья Ю. Лотмана общее отношение к структурализму и семиотике не изменила и не могла изменить. А самому Ю. Лотману как структуралисту был фактически закрыт путь в советские научные издательства (показательно, что его книги выходили в издательствах «Просвещение», «Искусство» или «Книга», т. е. издательствах ненаучных)<sup>2</sup>.

Парадокс заключался еще и в том, что среди коллег Ю. Лотмана, преподавателей тогдашней кафедры русской литературы, собственно «структуралистов» было раз два и обчелся: сам Ю. Лотман, З. Г. Минц, И. А. Чернов да примкнувший к ним лингвист Б. М. Гаспаров. А вот П. С. Рейфман, С. Г. Исаков, В. И. Беззубов, Е. В. Душечкина были вполне традиционными историками литературы, отнюдь не структуралистами или семиотиками. Миф о том, что в Тарту в 1960–1980-е годы было якобы гнездо ортодоксальных семиотиков-структуралистов, не выдерживает критики.

Если посмотреть на содержание «Трудов по знаковым системам» за 1960–1980-е годы, то мы увидим довольно много авторов, которые далеки были и от структурализма, и от семиотики. А печатались в тартуских «Трудах по знаковым системам» известные и не очень известные филологи, историки, фольклористы, этнографы, искусствоведы. Но их всех объединяло одно: высокая научная компетентность. В этом смысле «Труды по знаковым системам» не были сборниками эдаких ортодоксальных структуралистов и/или семиотиков. Скорей «Труды по знаковым системам» (равно как и тартуские «Труды по русской и славянской филологии» или «Блоковские

---

ботку – началась кампания «борьбы с космополитизмом». Из экзаменационных вопросов был удален вопрос, посвященный его книге «Морфология сказки». И когда на экзамене студент Е. Маймин стал пересказывать содержание этой книги В. Я. Проппу – у того на глазах появились слезы.

<sup>2</sup> Например, знаменитая книга Ю. Лотмана «Анализ поэтического текста: Структура стиха» вышла в 1972 г. в издательстве «Просвещение», которое специализировалось на издании учебной литературы для общеобразовательных школ и педагогических учебных заведений, и содержала пояснение: «Пособие для студентов».

сборники») были прибежищем для тех авторов и тех тем, которые не очень были желательны в более официозных советских научных журналах или сериальных изданиях [см. об этом: Живов 2009]. Или тех авторов, которые вообще не могли быть напечатаны в советских подцензурных научных журналах и сборниках, т. е. эмигрантов. Например, в 1979 г. в 11-м выпуске «Трудов по знаковым системам» публикуется статья А. К. Жолковского «Инварианты Пушкина». Но именно в этом году А. Жолковский эмигрировал<sup>1</sup>. А в 1982 г. вышел очередной выпуск «Трудов по русской и славянской филологии». Выпуск как выпуск. Только вот один из авторов довольно загадочный: *И. Д. Владимирова*. А статья называлась: «Эволюция литературных взглядов В. К. Третьяковского»<sup>2</sup>. Конечно, тартусцы отлично знали, что за этим псевдонимом скрывается ученица Ю. М. Лотмана Ирина Владимировна Душечкина (в замужестве – И. В. Рейфман, ныне профессор Колумбийского университета), которая к этому времени тоже эмигрировала в США.

Тартуско-московская научная «парадигма» возникла не от хорошей жизни: поскольку на просторах СССР «от Москвы до самых до окраин» официальная филология не очень давала жить и развиваться «разум-

ному, доброму, вечному», то в Тарту благодаря Ю. Лотману возник такой небольшой очаг науки, который, если говорить образно, освещал и согревал. Вот к этому очагу и собирались от Москвы и от самых окраин те филологи, которым было темно и неуютно на просторах советской псевдонауки. Тарту как некоторый центр науки, разумеется, сильно мифологизировался и казался еще более ярким на фоне окружающей псевдонаучной тьмы или серости, и тем самым – совершенно неповторимым, особенно ярким явлением. Отчасти под влиянием этой аберрации оказался и сам Ю. Лотман, о чем свидетельствует его последнее интервью, в котором он утверждает:

«В тот период, когда создавалась тартуско-московская школа, на поверхность выплеснулась целая волна гениальных людей. Многих из них уже нет... Не всегда, конечно, гениальные возможности дают гениальные результаты, это сложный процесс. Но в тот период пульс культуры как бы забился в этой сфере. И, пожалуй, самое поразительное было – обилие блистательных умов...» [На пороге непредсказуемого 1993].

Ю. Лотман не объясняет, почему и откуда появилась эта волна «гениальных людей» и «блистательных умов», это отдельный вопрос. Но для него неоспоримым является тот факт, что эта волна гениальных людей имела место быть. Мне кажется, что этот феномен в известной мере стал результатом усилий и научной харизмы самого Ю. Лотмана, который многое сделал для того, чтобы эти блистательные умы реализовали свой научный потенциал, стали выдающимися учеными и явили научному миру свою гениальность. Зададимся простым вопросом: а что было бы с этими гениальными людьми, если бы не было Ю. Лотмана и Тарту как некоего научного центра? Подозреваю, что многие из них просто не смогли бы реализоваться в полной мере, а те, кто смог бы, наверное, не смогли бы заявить о себе столь ярко. В этом, может быть, и заключалась главная заслуга Ю. Лотмана: дать возможность проявиться этим гениальным людям. Не стоит понимать дело только так, что Ю. Лотман просто собрал и объединил неких уже готовых талантливых ученых, и тартуско-московская школа воссияла. Думается, все несколько сложнее.

<sup>1</sup> 11-й выпуск «Трудов по знаковым системам» был подписан к печати 15 октября 1979 г., а 24 августа 1979 г. А. Жолковский уже покинул СССР.

<sup>2</sup> См.: Владимирова И. Д. [Душечкина И. В.]. Эволюция литературных взглядов В. К. Третьяковского // Единство и изменчивость историко-литературного процесса: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1982. С. 32-47 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 604). Авторство И. В. Душечкиной отражено в библиографическом указателе: Труды по русской литературе и семиотике кафедры русской литературы Тартуского университета. 1958–1990: Указатели содержания. Тарту, 1991 (<http://www.ruthenia.ru/document/437758.html>). См. также статью: Владимирова И. В. [Душечкина И. В.], Григорьев М. Г. [Альтшуллер М. Г.], Кумпан К. А. А. А. Блок и русская культура XVIII века // Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики: Блоковский сборник IV / отв. ред. З. Г. Минц. Тарту, 1981. С. 27-115. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 535). Отметим, что одним из соавторов этой публикации был литературовед М. Г. Альтшуллер, который эмигрировал еще в 1978 г. («Блоковский сборник. IV» был подписан к печати лишь 25 декабря 1980 г.).

Ведь научная школа – это прежде всего то пространство (тоже своего рода «семиосфера»), где учатся, развиваются в процессе научного общения (вспомним знаменитые «Летние школы», конференции, семинары, научные сборники и пр.). Иными словами, это та почва, на которой взращиваются и прорастают научные таланты и гении. А если нет благоприятной почвы, то даже самым талантливым ученым не так просто реализовать свои способности<sup>1</sup>.

Почему сейчас, по прошествии 30 лет, мы не видим ничего подобного тартуско-московской школе? Сейчас ситуация в науке принципиально другая: никто не мешает возникать таким научным центрам хоть в Москве, хоть в Питере, хоть в Екатеринбурге. Да они и возникли в последние три десятилетия – в лице хотя бы множества научных журналов, издательств, кафедр и т. п. Но в итоге так сложилось, что отпала надобность в каком-то одном центре. Поэтому, на мой взгляд, маловероятно, что теперь возникнет нечто подобное Тарту 1960–1980-х годов. Даже если бы вдруг появился ученый такого масштаба, каковым в свое время был Ю. Лотман, то он просто бы издавал очередные «Труды по

знаковым системам» и проводил международные конференции и семинары. Но парадокс в том, что для этого уже вовсе не обязательно быть... Ю. Лотманом.

К тому же инфраструктура научной мобильности нынче стала совсем другой. Разумеется, нельзя забывать, что 1960–1970-е годы в СССР – это эпоха «железного занавеса», т. е. закрытых границ и практически невозможности международных научных контактов для большинства советских филологов (то есть невозможности совместных проектов, конференций, семинаров, симпозиумов, научных изданий, стажировок, научных обменов и пр.)<sup>2</sup>. Если и были какие-то исключения, то они лишь подчеркивали общее правило. А сейчас со всем этим нет проблем: издавать научный журнал или альманах, проводить конференции или семинары можно в любом городе мира, для этого вовсе не обязательно создавать какой-то один центр. В итоге таких научных центров возникло много и самых разных, больших и малых. Возможно, поэтому и возникает ощущение, что в современной научной жизни не хватает чего-то очень большого и очень яркого.

<sup>1</sup> Можно вспомнить судьбу М. М. Бахтина, который с 1946 г. прозябал в провинциальном Саранске, в Мордовском ГПИ, и до 1963 г. вообще не публиковал ни книг, ни статей.

<sup>2</sup> См. известный анекдот о Ю. Лотмане: «Юрий Михайлович уже давно был “невъездной” и многочисленные приглашения на зарубежные поездки складывал в папку с надписью: “Письма к русскому путешественнику» [Столович 2012].

### Литература

- Автономова, Н. Постструктурализм / Н. Автономова // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 3. – М. : Мысль, 2010. – С. 299–301.
- Гаспаров, М. Л. Ю. М. Лотман: Наука и идеология / М. Л. Гаспаров // Избранные труды. Т. 2. – М. : Языки русской культуры, 1997. – С. 485–493.
- Гаспаров, М. Л. Записки и выписки / М. Л. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 416 с.
- Живов, В. М. Московско-тартуская семиотика: Ее достижения и ее ограничения / В. М. Живов // НЛО. – 2009. – № 98. – С. 11–26.
- Лотман, Ю. М. Куклы в системе культуры / Ю. М. Лотман // Декоративное искусство в СССР. – 1978. – № 2. – С. 36–37.
- Лотман, Ю. М. Литературоведение должно быть наукой / Ю. М. Лотман // Вопросы литературы. – 1967а. – № 1. – С. 90–100.
- Лотман, Ю. Механизм Смуты: (К типологии русской истории культуры) / Ю. Лотман // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. 3: Проблемы русской литературы и культуры. – Helsinki, 1992. – С. 7–23. – (*Slavica Helsingiensia*. 11).
- Лотман, Ю. М. Механизм Смуты: (К типологии русской истории культуры) / Ю. М. Лотман // *История и типология русской культуры*. – СПб. : Искусство-СПб, 2002. – С. 33–46.
- Лотман, Ю. О некоторых принципиальных трудностях в структурном описании текста / Ю. Лотман // *Ученые записки Тартуского государственного университета*. – 1969. – Вып. 236. – С. 478–482. – (Труды по знаковым системам. [Т.] 4).

Лотман, Ю.М. О редукции и развертывании знаковых систем: (К проблеме «фрейдизм и семиотическая культурология») / Ю. М. Лотман // Материалы I Всесоюзного (5) симпозиума по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1974. – С. 100-108.

Лотман, Ю.М. Об оппозиции «честь – слава» в светских текстах Киевского периода / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. – 1967б. – Вып. 198. – С. 363-366. – (Труды по знаковым системам. [Т.] 3).

Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман. – СПб. : Академический проект, 2002. – С. 227-228.

Лотман, Ю.М. Художественная природа русских народных картинок // Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX веков: (К 150-летию со дня рождения Д. А. Ровинского) / Ю. М. Лотман. – М., 1976. – С. 247-267.

На пороге непредсказуемого: Последнее интервью Ю. М. Лотмана // Человек. – 1993. – № 6. – С. 113-121.

Столович, Л. Воспоминания о Юрии Михайловиче Лотмане / Л. Столович. – Текст : электронный // Семь искусств. – 2012. – Январь, №1 (26). – URL: <https://7iskusstv.com/2012/Nomer1/Stolovich1.php>.

## References

Avtonomova, N. (2010). Poststructuralizm [Poststructuralism]. In *Novaya filosofskaya entsyklopediya*, in 4 vols. Vol. 3. Moscow, Mysl', pp. 299-301.

Gasparov, M. L. (1997). Yu. M. Lotman: Nauka i ideologiya [Yu. M. Lotman: Science and Ideology]. In *Izbrannyye trudy*. Vol. 3. Moscow, Yazyki russkoi kultury, pp. 485-493.

Gasparov, M. L. (2001). *Zapisi i vypiski* [Notes and Extracts]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 416 p.

Zhivov, V. M. (2009). Moskovsko-tartusskaya semiotika: ee dostizheniya i ee ogranicheniya [Moscow-Tartu Semiotics: Its Achievements and Its Limitations]. In *NLO*. No. 98, pp. 11-26.

Lotman, Yu. M. (1978). Kukly v sisteme kul'tury [Dolls in the System of Culture]. In *Dekorativnoe iskusstvo v SSSR*. No. 2, pp. 36-37.

Lotman, Yu. M. (1967) Literaturovedenie dolzhno byt' naukoj [Literary Criticism Should Be a Science]. In *Voprosy literatury*. No. 1, pp. 90-100.

Lotman, Yu. (1992). Mehanizm Smuty: k tipologii russkoi istorii kultury [The Mechanism of Turmoil: Towards the Typology of Russian Cultural History]. In *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. 3: *Problemy russkoi literatury i kultury*. (Slavica Helsingiensia. 11.). Helsinki, pp. 7-23.

Lotman, Yu. M. (2002). Mehanizm Smuty: k tipologii russkoi istorii kultury [The Mechanism of Turmoil: To the Typology of the Russian History of Culture]. In *Istoriya i tipologiya russkoi kultury*. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPb, pp. 33-46.

Lotman, Yu. (1969). O nekotorykh printsipial'nykh trudnostyakh v strukturnom opisaniy teksta [On Some Fundamental Difficulties in the Structural Description of the Text]. In *Trudy po znakovym sistemam*. Vol. 4. Scientific note Tartu State University. Issue 236, pp. 478-482.

Lotman, Yu. M. (1974). O reduksii i razvertyvanii znakovykh system: k problem «freidizm i semioticheskaya kulturologiya» [On the Reduction and Deployment of Sign Systems: To the Problem of "Freudianism and Semiotic Culturology"]. In *Materialy I Vsesoyuznogo (5) simpoziuma po vtorichnym modeliruyushchim sistemam*. Tartu, pp. 100-108.

Lotman, Yu. M. (1967). Ob oppozitsii «chest' – slava» v svetskikh tekstakh Kievskogo perioda [On the Opposition "Honor – Glory" in Secular Texts of the Kiev Period]. In *Trudy po znakovym sistemam*. Vol. 3. Scientific note Tartu State University. Issue 198, pp. 100-112.

Lotman, Yu. M. (2002). *Stat'i po semiotike i kulture iskusstva* [Articles on the Semiotics of Culture and Art]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt, pp. 227-228.

Lotman, Yu. M. (1976). Khudozhestvennaya priroda russkikh narodnykh kartinok [The Artistic Nature of Russian Folk Pictures]. In *Narodnaya gravюра i folklor Rossii XVII–XIX vekov: (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya D. A. Rovinskogo)*. Moscow, pp. 247-267.

Na poroge nepredskazuemogo: poslednee interv'yuu Yu. M. Lotmana [On the Threshold of the Unpredictable: The Last Interview of Y. M. Lotman]. (1993). In *Chelovek*. No. 6, pp. 113-121.

Stolovich, L. (2012). Vospominaniya Yuriya Mikhailovicha Lotmana [Memories of Yuri Mikhailovich Lotman]. In *Sem' iskusstv*. January. No. 1 (26). URL: <https://7iskusstv.com/2012/Nomer1/Stolovich1.php>.

## Данные об авторе

Доценко Сергей Николаевич – PhD (филология), кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Таллиннский университет (Таллинн, Эстония).

Адрес: 10120, Эстония, Таллинн, Нарвское шоссе, 25.  
E-mail: dotsenkosergei@hotmail.com.

## Author's information

Docenko Sergei Nikolaevich – PhD (Philology), Candidate of Philology, Associate Professor of Institute of Humanities, Tallinn University (Tallinn, Estonia).